

Она мчалась босая сквозь дождь и гудение автомобильных клаксонов, вздымая ногами брызги, подсвеченные огнями неоновых вывесок. Она бежала сломя голову, а ее зеркальное отражение в черном, влажно поблескивающем асфальте, словно сиамский близнец, несло вместе с ней по грязным лужам, переливавшимся красным, зеленым, оранжевым и голубым цветом.

Она истекала кровью.

Кровь лилась из глубокой раны на правой щеке, текла из порезов на ладонях и пальцах. Платье спереди было разорвано, был виден бюстгальтер, и девушка, чтобы хоть как-то прикрыться, на бегу пыталась стянуть края загубленного наряда. Дождь шел с десяти вечера. Поначалу лило как из ведра, но теперь с небес падала лишь морось, образовавшая над асфальтом туман. Вдалеке сквозь водянистую дымку зеленели круглые фонари, горевшие у входа в восемьдесят седьмой полицейский участок.

Девушка поскользнулась, ноги подкосились, отказываясь ее слушаться. Она грохнулась на тротуар с жутким звуком, наводящим на мысли о вывихе, ударилась об асфальт бедром. Резко выдохнув от боли, неподвижно села, склонив голову. Накрапывал дождик. Платье, колготки, бюстгальтер — все было вымазано в крови. Кровь сочилась из раны на щеке,

полыхала рубиновым огнем в горизонтальных порезах, покрывавших ладони и пальцы. Светофор на пустынной улице переключился на красный. Этот свет горел очень ярко, и на какой-то миг почудилось, что девушка с ног до головы покрыта кровью. Понесся щелчок — светофор снова переключился. В то же мгновение лицо девушки, платье, бюстгальтер, промокшие колготки, кровоточащие порезы на руках, рана на щеке — все сразу стало зеленым. С трудом поднявшись на ноги, она кинулась к полицейскому участку.

Детектив Берт Клинг, присев за стол в дежурке, оформлял задержание молодого человека, который владел лишь одним языком — испанским. Со вздохом детектив указал на большой лист бумаги, специально повешенный как раз для таких случаев. На этом листе на испанском языке были расписаны все права задержанного. Молодой человек посмотрел на лист, кивнул и только начал читать, как вдруг в участок ворвалась девушка. Преодолев наружную деревянную дверь, она налетела на вторую, двухстворчатую, стеклянную, и заколотила в нее обеими руками. Обернувшись на стук, Клинг первым делом увидел кровавые разводы на стекле. Кровавые разводы и отпечатки ладоней — по одному на каждую створку. БERTу подумалось, что он не забудет этой картины до конца своих дней. Как только двери распахнулись, девушка влетела в дежурку — руки широко расставлены, пальцы и ладони в порезах, из раны на щеке льется кровь, синее платье разорвано, бюстгальтер перемазан кровью, бледное, в потеках туши лицо облеплено мокрыми черными волосами.

— Помогите! Ради бога, помогите! — умоляюще воскликнула она, бросившись к столу, за которым сидел Клинг.

Патрульный Шанахан промочил ноги.

Лить перестало минут десять назад, только какой от этого толк, если он, почитай, весь день проходил под дождем. Ну хорошо, не весь день, а с 15:45 — именно тогда он сменил Донлеви. И что в итоге? Ноги промокли, в горле першит. Если заболит — придется мучиться неделю в постели. Шанахан был дородным мужчиной, а в черном дождевике, напминавшем плащ то ли Бэтмена, то ли Дракулы, наброшенном на широкие мощные плечи, полицейский выглядел еще внушительнее. Сжимая в правой руке утяжеленную дубинку, а в левой — фонарик, Шанахан шел по пустынной улице, совершая обход своего участка. Как же все-таки хорошо, что дождь прекратился, как здорово, что уже половина двенадцатого и где-то через пятнадцать минут его, Шанахана, сменят. Черт, вот только ноги он промочил, в ботинках хлюпает.

И тут полицейский неожиданно увидел руку.

Лежавшая на крыльце рука торчала из открытой двери, ведущей в подъезд заброшенного дома. Шанахан застыл как вкопанный. С того места, где замер полицейский, он мог различить только ладонь с кистью, и больше ничего, и на короткий миг ему показалось, что рука оторвана, а само тело отсутствует. Однако, подойдя поближе, он увидел и очертания всего тела, неподвижно лежавшего поперек порога. Поднявшись по широким ступенькам на крыльцо, он осветил фонариком руку, лежавшую ладонью вверх, и увидел покрывавшие ее порезы. «Дело плохо», — понял Шанахан. Осознание этого пришло еще до того, как он направил луч фонарика на само тело.

Неожиданно до полицейского дошло, что он стоит в крови, и он в ужасе отпрянул, будто бы боясь, что

она растворит подошвы его ботинок. Чувствуя под ногами липкое, Шанахан сделал шаг назад, ненароком сдвинув луч фонарика чуть вверх. Полицейский увидел само тело, и тут же волной накатила дурнота. Он быстро отвел взгляд. Вход в подъезд стал вроде рамы чудовищной картины, многократно усиливая ее кошмарность. Устыдившись своей слабости, Шанахан заставил себя вновь посмотреть на тело. Девушка лежала навзничь в собственной крови. Лет шестнадцати, темноволосая, невидящий взор широко распахнутых темных глаз устремлен вверх, к потолку со вздувшимися пузырями штукатурки и потеками влаги, которая, казалось, готова вот-вот прорваться и затопить всю парадную. На девушке сохранились остатки изрезанного в клочья розового платья. Нож убийцы не делал различий между плотью жертвы и ее одеждой. И то и другое было безжалостно, в безумной ярости искромсано. Лицо и тело несчастной покрывали жуткие раны. Когда до Шанахана дошло, что нос бедняжки фактически отрезан и свисает с лица на тоненьком клочке кожи, полицейский отвернулся и его скрутил приступ рвоты.

Отдышавшись, он поспешил к телефонной будке на углу, откуда и позвонил в участок.

Моноган и Монро были не разлей вода и всегда работали вместе. Именно поэтому, когда Стив Карелла увидел Моногана в одиночестве, то не сразу его узнал. Согласно существовавшим в городе правилам, расследование убийства поручалось местному детективу, выехавшему на место преступления, однако убойный отдел главка непременно присылал свою команду — то ли для того, чтобы помочь советом, то ли чтобы отдать должное серьезности

совершенного преступления. Моноган и Монро работали в убойном отделе главка в паре, однако сегодня ночью явился лишь Моноган, напоминавший в отсутствии своего товарища человека без тени и голос без эха. Моноган пояснил, что его напарник захворал — слег с гриппом. Черт бы побрал этот грипп, так и косит в этом месяце народ. Черное пальто с белым платочком в нагрудном кармане, черная фетровая шляпа с загнутыми полями, черные кожаные перчатки, белоснежный шелковый шарф, черный галстук-бабочка — Моноган вырядился так, словно собрался на бал к губернатору или как минимум в оперу. Он пояснил, что праздновал годовщину свадьбы, причем золотую, и что его вытащили прямо из-за стола, за который ему хотелось бы как можно скорее вернуться. Моноган говорил таким тоном, будто бы Карелла нес личную ответственность за смерть девушки, лежавшей в луже собственной крови.

— Как думаешь, сколько ей? — спросил Моноган. — Я о возрасте, — тут же пояснил он. Создавалось впечатление, что Моноган в тоске по отсутствующему напарнику решил подавать реплики и за Монро. За долгие годы излишнее многословие этой парочки из главка стало ее визитной карточкой, и Моноган явно не собирался изменять традициям.

— На вид лет шестнадцать-семнадцать, — отозвался Стив Карелла.

Он смотрел на раны, покрывавшие тело девушки. Как можно обращать дышащую жизнь плоть в ничто? Стив думал о том, что так и не привык к этому и вряд ли уже привыкнет. Десять минут, полчаса назад девушка была еще жива. А теперь ее изломанное тело лежит в парадной заброшенного

дома, а бежавшая по жилам кровь, дарившая энергию и силу, покрывает пол, словно выплеснутая из корыта грязная вода. Глядя на тело, Карелла поморщился, будто от боли, и предпочел промолчать, когда Моноган высказал предположение, что девушку, судя по изорванным, покрытым кровью трусикам, перед убийством изнасиловали.

Через некоторое время подъехал и судмедэксперт. Был он сердит и раздражителен — как и любой другой врач, которому выпало ехать на вызов в непогожую ночь. Кроме того, оптимизма не прибавлял и тот факт, что на дворе было воскресенье, когда полагается поселиться и отдохнуть, а не осматривать убитых.

— Ни днем ни ночью нет покоя, — вздохнул судмедэксперт, поставив черный саквояж рядом с трупом девушки.

— Хотя бы дождь прекратился, — промолвил Моноган.

— Вы в курсе, как англичане узнают о погоде? — осведомился судмедэксперт.

— Нет. И как? — с интересом посмотрел на него Моноган.

— Подходят к окну и смотрят на собаку. Если собака стоит на улице мокрая, значит, идет дождь. Если с собаки течет ручьями, скорее всего, дождь очень сильный.

Оба рассмеялись.

— Дождь вызывает у сексуальных маньяков обострение, — со знанием дела произнес Моноган. — Такое мог сотворить только маньяк.

— Псих, — кивнул судмедэксперт.

— Сумасшедший, — улыбнулся Моноган. В лице судмедэксперта он обрел достойную замену Монро. Даже этой промозглой воскресной ночью расследование пойдет по накатанной колее, с дежурными

диалогами, достойными Труляля и Траляля. Настроение у Моногана заметно улучшилось. — Славно он над девчонкой потрудился, — небрежно промолвил он.

— Ага, — согласился судмедэксперт. — Все ей изрезал: и трахею, и сонную артерию, и яремную вену.

— А на руки внимание обратили? — спросил Моноган.

— Сейчас и до них доберемся, — отозвался врач.

Моноган повернулся к Карелле и, сочтя, что тот не обойдется без объяснений, охотно пояснил:

— Порой, когда убийца наносит удары ножом, жертва пытается закрыться руками, и тогда на пальцах остаются порезы.

— Или на запястьях, — подал голос судмедэксперт.

— Или на предплечьях.

— Или на ладонях.

— Ненавижу ножевые раны, — покачал головой Моноган. — А вы? Вот пулевое ранение — совсем другое дело. Чистенькое, аккуратненькое. А ножевые раны — жуть сплошная.

— Знаете, я и пулевые раны видел такие, что просто мама дорогая, — возразил врач.

— Это верно, — согласился Моноган. — Но ножевые раны все равно страшнее. Я их просто ненавижу.

— Лично я ненавижу раны, которые наносят разными тупыми предметами, — поделился судмедэксперт. — А про пулевые ранения — это вы зря. Иногда такой кошмар бывает...

— Я говорил об обычных пулевых ранениях. — Моноган поднял палец. — Если вы про ранения из дробовика — там совсем другое дело.

— Да какой там дробовик, — отмахнулся врач. — Взять, к примеру, среднестатистическое выходное отверстие пули калибра одиннадцать миллиметров.

Дыра такая, что поезд проедет. Вот это я понимаю — жуткая рана.

— И все равно я больше всего ненавижу ножевые раны, — упрямо произнес Моноган.

— Что ж, каждому свое, — пожал плечами врач и защелкнул саквояж. — Она в вашем распоряжении, — кивнул он на труп девушки, поднимаясь с корточек.

— Ее изнасиловали? — спросил Моноган.

— Это мы узнаем после того, как сделаем анализы, — ответил судмедэксперт.

В сумочке девушки полицейские обнаружили расческу, пачку ментоловых сигарет, коробок спичек, три доллара и сорок центов, а также карточку социального страхования, на которой значилось имя погибшей. Девушку звали Мюриэль Старк.

В двадцать минут первого ночи в полицейский участок позвонила женщина. Представившись Лилиан Лоури, она попросила соединить ее с дежурным детективом. Когда сержант Марчисон поинтересовался, по какому вопросу она звонит, женщина ответила, что очень переживает за свою дочь с племянницей. В восемь вечера девочки пошли в гости на вечеринку и до сих пор не вернулись домой. Попросив женщину не вешать трубку, Марчисон соединил ее с детективом Мейером, находившимся этажом выше — в инструктажной.

Первым делом Лилиан сказала Мейеру, что одной девочке пятнадцать, а другой — семнадцать лет, и они обещали вернуться домой самое позднее к одиннадцати вечера. К половине двенадцатого девочки так и не объявились. Тогда Лилиан позвонила туда, где проводилась вечеринка, и паренек, взявший трубку, сказал, что девочки уже минимум час как ушли. До дома им было идти не больше двадцати минут.